

Александр Грин

Гатт, Витт и Редотт

Александр Степанович Грин

Гатт, Витт и Редотт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=274152

Аннотация

Трёх героев волшебник-индус наградил сверхчеловеческой силой, позволяющей им осуществить самые смелые свои мечты...

© *FantLab.ru*

Содержание

I	4
II	7
III	12
IV	15
V	17

Александр Степанович Грин Гатт, Витт и Редотт

I

Три человека, желая разбогатеть, отправились в Африку. Им очень хотелось иметь собственные автомобили, собственные дома и собственные сады. В то время африканские алмазные прииски, расположенные на реке Вивере (эта река такая маленькая, что ее нет на карте), каждый месяц давали от тысячи до трех тысяч каратов драгоценного камня. Поэтому каждый месяц пароход, приходивший к тому берегу из Занзибара, ссаживал сотни людей, желавших попытать счастья.

Наши три человека были: почтальон, извозчик и пекарь. Первого звали Гатт, второго – Витт и третьего – Редотт. Скопив денег на дорогу, отправились они в страну змей, обезьян и львов копать тамошние пески.

Немедленно по приезде с ними начались несчастные случаи. Сначала заболел лихорадкой Редотт, затем Витт и наконец Гатт. Пока они лежали в палатке, отпиваясь хиной и кокосовым пивом, негры украли у них все деньги, инструмен-

ты и лошадей. Выздоровев, они подыскали себе участок, где, по их расчетам, должны были находиться алмазы; заняли три лопаты и стали работать.

После целого месяца усиленного труда на всех троих нашли всего лишь один-единственный бриллиант, но и тот мутный, как грязное стекло. Он был, правда, величиной с орех, но почти ничего не стоил; маклер дал за него только три фунта.

Между тем их энергия стала падать. Они попытались менять участки, но нигде более ничего не нашли. Кроме того, зной плохо действовал на состояние их здоровья: они худели, пили много воды и почти не могли спать; тревога и забота не давали им покоя.

Однажды вечером сидели они у костра, молча и тихо.

– Итак, у нас ничего нет, – сказал задумчивый, спокойный Редотт, – нет даже сил, чтобы разрубить дерево для костра. Питаемся мы почти одной зеленью. Этак мы скоро подохнем.

– Я не желаю подыхать, – возразил беспокойный, крикливый, более всех тщедушный и прожорливый Гатт, – я хочу, понимаете, бифштексиков, вина и денег. Вообще я хочу широко наслаждаться жизнью, черт ее побери.

– Наслаждайся, – насмешливо сказал желчный черноволосый Витт. – Мне бы только немного окрепнуть. Я тогда пойду к голландцу Ван-Клопсу. Ван-Клопс даст мне ружье и пороха. И я присоединюсь к охотникам за слоновой «остью. Но, увы, я должен поест, поест много раз хорошего мяса.

– Да, сильным быть хорошо, – отозвался Редотт. – Куда я
гожусь? – Он засучил рукава и посмотрел на свои худые ру-
ки. – Будь я, например, немного посильнее Самсона, я чер-
ной земляной работой добыл бы себе здесь форменный ка-
питал. Разве не так?

– Я ловил бы слонов, как мышей, – сказал Витт. – Я выры-
вал бы руками клыки и таскал бы целые снопы их, как пач-
ку папирос. Кроме того, десятков – другой львов, пойманных
живьем, купит любой зверинец. А вы знаете, сколько стоит
приличный лев? Говорят, тысяча фунтов. Теперь сосчитай-
те.

– Двадцать тысяч фунтов, – сказал Гатт. – При такой си-
лишке, о которой вы говорите, я просто плюнул бы в реку,
не сходя с места, и убил бы простым плевком столько рыбы,
сколько нужно для всего прииска. Рыба свежая – пожалуйста,
и деньги на бочку.

II

– Так в чем же дело? – раздался над головами их громкий вопрос.

Костер бросал в тьму летающий рыжий блеск, и в блеске этом показалась бронзовая фигура индуса. Его тюрбан сиял дорогим шитьем, за поясом мерцали драгоценные камни кинжальной рукояти. Матовые, орлиные глаза индуса выражали достоинство и гордость. Недавно прибыл он на Виверу с множеством лошадей и слуг, но не собирался жить здесь; как говорили, держит он путь в глубину Африки.

– Ваше степенство... – пробормотал, подымаясь, Гатт. – Удостойте присесть.

– Садитесь, – угрюмо пробормотал Витт.

Редотт встал и, ответив индусу на его приветственный жест поклоном, сказал:

– Саиб Шах-Дуран, зажги свою трубку у нашего огня. Больше у нас ничего нет.

– Но будет, – сказал индус. – Я прогуливался и услышал ваш разговор. – Он сел. – Так в чем дело? Повторяю, – продолжал Шах-Дуран, – если хотите быть сильными, я могу исполнить ваше желание.

– Вы шутите! – воскликнул Редотт.

– У нас, в Индии, такими вещами не шутят, – сказал индус.

– Арабские сказки, – фыркнул на ухо Витту смешливый Гатт, и шепотом ответил ему Витт:

– Шах, кажется, был в миссии и хватил немного хмельного.

Тонкий слух индуса поймал смысл их слов.

– Я не пью «хмельное», – сказал он без раздражения, но так внушительно, что Витт и Гатт оторопели. – Что же касается «арабских сказок», то лучше мне прямо приступить к делу. Хотите вы быть сильными или нет?..

– О! – сказал Витт.

– Ага! – ответил Гатт.

– Да! – произнес Редотт.

Шах-Дуран расстегнул платье и достал из бисерного мешочка три пшеничных зерна.

– Вот зерна, – сказал он, – эти зерна взяты из саркофага египетского фараона Рамзеса I, который жил тысячи лет назад. В них заключена сила жизни. Пять тысяч лет копила она и увеличивалась. Человек, съевший это зерно, станет сильнее целого стада буйволов.

– Позвольте спросить вас, – обратился к нему Гатт, – почему именно это зерно имеет такую силу, а те, из каких печем мы свои лепешки, вызывают только расстройство желудка?

– У тебя не хватает терпения пропечь лепешку как следует. Что касается этих зерен, то я сейчас объясню, почему в них колоссальная сила. Египетская пшеница в хорошем урожае дает сам-двести. Следовательно, из одного зерна, – если

бы оно проросло, – получится двести зерен.

– Он не пил виски, – шепнул Гатт Витту как можно тише. – Единожды двести – двести, это я ручаюсь.

– Я не пил виски, – меланхолически подтвердил Шах-Дуран, а Гатт сделал невинные собачьи глаза. – В доказательство этого я приведу дальнейший расчет. Нил разливается два раза в год, два раза в год плоские его берега дают жатву... Итак, одно зерно с его двумястами детьми дадут в год 40 тысяч зерен. На следующий год 40 тысяч произведут 80 миллионов потомства. На пятый – заметьте, только на пятый год – число зерен возрастет до 102 центилионов четыреста секстилионов, то есть...

Индус взял палочку и начертил на песке 1024, прибавив к этой цифре 23 нуля.

– Вот, – сказал он, – вот сколько будет зерен через пять лет только из одного зерна.

– Высшая математика! – благоговейно прошептал Гатт.

– Говорить ли о пяти тысячах лет? – сказал, посмеиваясь, Шах-Дуран. – Тогда будет столько нулей, что вы соскучитесь их писать.

– Сойду с ума, – подтвердил Витт.

– Или... – вставил Гатт.

Редотт молчал.

– Один золотник весу содержит колос, – продолжал индус. – Та цифра, что я написал, выдержит тяжесть такого же числа колосьев, то есть шестьдесят четыре квинтилина пу-

дов зерна. Вот сила, с которой нам приходится иметь дело. Какова же она за пять тысяч лет?

– Но эту силу, – ехидно возразил Витт, – вы изволите спокойно подбрасывать на ладони да еще увеличенную в три раза.

– Да, – сказал Шах-Дуран. – Вся сила растительности одного зерна за пять тысяч лет сообщится тому, кто проглотит зерно. Как и почему, это я вам объяснять не буду. Желаете ли вы иметь такую силу?

Как ни был притуплен рассудок алмазоискателей нуждой и усталостью, все же они поняли, что предлагают им, – и похолодели от ужаса. Но скоро овладел страхом своим Редотт и, улыбаясь, протянул руку.

– Берешь? – сказал Шах-Дуран.

– Да.

Но, положив на ладонь темное зерно, Редотт взял иголку и царапнул ею свой талисман. Одна едва заметная пылинка отделилась при этом, и он лизнул то место руки, где она должна была быть.

Индуc благосклонно улыбнулся.

– Ты осторожен, – сказал он, – и, кажется, поступил хорошо. Но даже при такой скромной порции ты спокойно можешь разбить кулаком каменный дом. Брось это зерно, оно более не может служить. Пусть идет в землю и спокойно освобождает свою силу. Нуте, – обратился он к остальным, – что скажете вы?

«Не может быть столько секстилионов из одного семечка», – легкомысленно подумал Гатт и, взяв зерно, съел его, даже разжевал.

– Вот и все, – сказал он, благодушно прислонясь к камню, затем упал.

Раздался оглушительный вой.

Выскочив при движении локтя Гатта, десятитонный камень секнул пространство на неизмеримую высоту; там, раскаленный трением воздуха, вспыхнул он метеором и рассыпался яркою пылью.

– Ползерна! – вскричал, видя это, охлажденный Витт. – Ползерна – настоящая порция! Иначе меня разорвет сила.

Индус вынул перочинный ножик и отсек ползерна Витту. Налив чашку воды, Витт запил ползерна крупным глотком.

– Чтобы растворилось немного, – сказал он и похлопал себя по животу.

Шах-Дуран встал.

– Будьте здоровы, – сказал индус, поклонился и исчез во тьме.

Затаив дыхание, смотрели наши приятели, как тает во мраке его белый тюрбан, потом осторожно сели и закрыли глаза.

III

То, что они чувствовали, было поразительно. Казалось Гатту, что в жилах его мчатся и гудят железнодорожные поезда. Витт слышал, что сила впивается в него, подобно водопаду. Редотт задумчиво ковырял ногтем огромный пенъ, откалывая пудовые куски дерева.

Но их оцепенение, их изумление перед самими собой скоро прошло, так как тело их уже забыло, что значит быть слабым. Первый вскочил Гатт, он закричал что было духу:

– С такой-то силой, как у меня, шутить не приходится! Эх, где бы ее показать?.. К чему бы это ее немедленно приложить?.. Никак не подвертывается такого предмета!

Он кружился, топал и размахивал руками, оглядываясь; затем, сбив с ног Витта, лишившегося от толчка чувств, кинулся к тысячелетнему баобабу, взял его из земли так же легко, как мы берем спичку, и хлопнул им по Вивере.

Удар был неплох. Дерево, пробив течение реки, прошло в ее дно на глубину двухсот метров и обратилось в пыль, и в этой же бешеной воронке земли и воды мгновенно исчез Гатт, увлеченный силой собственного удара, и от него не осталось ничего. Вивера же вышла из берегов, а затем вздрогнула на триста миль в окружности, отчего жители проснулись и побежали, думая, что началось землетрясение.

– Ты видел? – сказал Редотт очнувшемуся от толчка Вит-

ту. – Он сожрал, правда, все зерно, но и в тебя вошла приличная порция. Смотри, не ошибись.

– Я буду охотиться на слонов, – сказал Витт. – Теперь мне не надо никакого ружья.

И они зажили разной жизнью. Витт ушел с топором в лес и пропадал три недели, разыскивая слонов. Сначала скажем, как действовал он, потом вернемся к Редотту. Витт действовал до крайности просто. Его первая встреча со слоном произошла так: слон бросился на него, подняв хобот. Витт намотал хобот на руку, пригнул голову испуганного великана к земле и вырвал клыки; после такой операции зверь бросился бежать, а Витт, всадив клыки в землю, пошел дальше. То один, то два, то целое стадо слонов попадалось ему, и у всех их, то дергая за ноги, то опрокидывая кулаком, вырывал он клыки с хладнокровием и легкостью зубного врача. Он опрокидывал их, как кот мышей. Очень скоро у него скопилось тысяча двести пудов слоновой кости. «Это будет лучше алмазов», – сказал он, когда связал плот из тысячелетних деревьев и погрузил на него добычу. Плот тихо стоял у берега, Витт сидел у костра, благодумствовал и курил. Теперь ему было легко добывать пищу. Стоило хлопнуть ладонью по стволу кокосового или мангового дерева, как все плоды, стряхиваясь, усыпали землю вокруг него. Если же ему случилось попасть камнем в стадо антилоп, то одна из них наверняка была разорвана на куски.

И от того, что он стал так невероятно силен и каждый

день убивал зверей, – он стал очень жесток. Ему доставляло удовольствие разрывать рот львам, давить пальцами рысей и пантер, связывать хвостами всех вместе – носорогов, красивых жирафов, слонов, крокодилов и буйволов – и смотреть, как обезумевшее от ярости стадо грызло и топтало друг друга. Он громко хохотал, а затем, набрав пудовых камней, бросал их в пленников, пока жертвы не превращались в груды дымного мяса.

И вот, когда однажды он сидел у костра, посматривая на свой плот и замышляя, не прибавить ли еще груза, – маленькая коралловая змея, упав с дерева, вонзила ему зубы в колено и умерла, так как он раздавил ее. Затем он сам покрылся холодным потом, скорчился, почернел и умер. И гиены поужинали его трупом.

IV

Между тем Редотт, почувствовав такую силу, что мог бы мешать землю рукой, как мы ложкой мешаем крупу, долго размышлял, что бы теперь предпринять. Он хорошо понимал, что обнаружить силу свою опасно в полном размере, так как его будут бояться, будут ему завидовать, и он наживет себе врагов. Если враг стреляет в темноте ночью, – какая сила удержит кровь пробитого сердца?

– Что ж, надо работать все-таки, – сказал он себе. – Работать мне теперь будет легко. Вся тяжелая человеческая работа есть для меня сушие пустяки.

Он нанялся на прииск копать землю. Вначале ему было очень смешно притворно ковырять землю лопаткой, делая иногда вид, что устал; однако он скоро приноровился и, возбуждая, правда, великое удивление, начал выкапывать за день столько земли, сколько самый сильный негр мог выкопать только в три дня.

«Вот так силач!» – говорили о нем, но так как такая сила, хотя очень редко, все же существует, то ровно никто не подозревал, что Редотт может разбить каменный дом ударом кулака.

У него было много работы и много денег, так как ему платили в пять раз больше, чем другим. Случилось, что он подружился с одним бельгийцем и, малость подвыпив, открыл

ему свою тайну.

Бельгиец захохотал.

– Никак я не думал, – сказал он насупившемуся Редотту, – что вы, такой дельный, честный человек, можете так нагло и глупо врать!

Редотт спокойно посмотрел на него, затем встал.

– Идите за мной! – сурово сказал он.

Они вышли из палатки и подошли к рельсам, сложенным на пути.

– Вот куча рельс, – сказал Редотт, – смотрите и судите.

Затем он взял рельсу и воткнул ее в землю аршина на три, так, что конец торчал вровень с его лицом. Бельгиец попятился, а Редотт, хлопнув ладонью по верхнему концу рельсы, заставил ее исчезнуть в землю.

– В таком случае, – сказал упавший от испуга бельгиец, вставая и вытирая о штаны руки, – надо завтра же завоевать Африку. Я буду вашим министром. Не будете же вы без толка и пользы держать вашу сверх-переверх-силищу?!

– Не знаю, – сказал Редотт. – Я посмотрю. Может, наступит день, когда мне понадобится вся моя сила. Лучше я поберегу ее.

И он взял с бельгийца клятву молчать.

– Клянусь Бельгией! – сказал уstraшенный рабочий.

– Хорошо, я вам верю, – ответил Редотт.

V

Была ночь, когда разбудил Редотта страшный, глухой гул. Он вскочил и побежал к копиям. Множество народа бежало уже туда, крича: «Обвал, обвал!» И стало всем ясно, что на большой глубине под землей, где рыли землю, разыскивая алмазы, тысячи человек, случилось несчастье.

Разные назывались причины. Однако скоро стало известно, что взорвались ящики с динамитом. Взрыв был так силен, что обвалились и засыпались все верхние входы, проникнуть под землю было уже нельзя.

Увидев ряд фонарей, Редотт подошел к ним. Здесь собрались инженеры, горячо спорившие о том, как спасти тех, кто, погребенный обвалом, может быть, еще жив, но должен будет задохнуться от недостатка воздуха. Здесь же громко и тяжело плакали женщины, мужья которых работали под землей. Каждая из них успела уже броситься на колени перед инженером, умоляя спасти близких, но инженеры только разводили руками. И, высчитав приблизительно необходимое количество дней, чтобы открыть шахту, сказали, что потребуется десять дней; только через десять дней можно будет сойти вниз и извлечь мертвых и живых, – если живые не поумирают к тому времени от голода и удушья.

В том месте, где было отверстие шахты, склон горы оканчивался справа отвесной скалой, имевшей высоту не менее

двухсот футов. На эту-то скалу обратил свое внимание Редотт, слушая вполуха, что говорят инженеры. Наконец раздумье его окончилось; он вытряхнул свою трубку и подошел к совещанию. Теперь он не скрывал свою силу, так как तो-ропился. Проходя сквозь толпу, он просто разводил руками, как по воде, и от этих тихих его движений люди посыпались, как горох. Но все это было приписано суматохе и толкотне, поэтому никакого удивления еще не было. Ему только кричали:

– Чего вы толкаетесь!

– Мистер Витсон, – сказал Редотт старшему инженеру, – есть способ спасти всех или почти всех. Разрешите мне это сделать.

Инженеры умолкли. Штейгер,¹ знакомый Редотта, сказал с досадой:

– Ступайте и проспите, Редотт. Нехорошо быть сегодня пьяным.

– Понюхайте! – Редотт взял штейгера за голову, притянул к себе идохнул ему прямо в нос. – Пахнет ли водкой?

– Не пахнет, – сказал тот, – но вы, значит, малость не в своем уме. Идите и не мешайте.

– Витсон, – сказал Редотт, поворачиваясь к инженеру, – слушайте, я говорю правду: я спасу всех. И сейчас.

– Объясните толком, чего вы хотите.

– Вот чего я хочу: чтобы вы и все, кто тут есть, пригото-

¹ Штейгер – горный мастер, ведающий рудными работами.

лись увидеть небольшое гимнастическое упражнение. Дело, прямо скажу, – ответственное. Кроме того, прикажите публике отступить подальше от шахты, чтобы не произошло новых несчастий.

Все были растеряны, все говорили, перебивая друг друга, и Редотт видел, что ему никто не верит. Тогда подошел и встал рядом с ним бледный, как смерть, бельгиец. Смотря на Редотта, он трясся от ожидания и волнения.

– Он сделает, – сказал бельгиец, – он может, верьте ему, – клянусь Бельгией!

Не зная, что делать, и уступая мольбам рабочих, требовавших разрешения Редотту сделать свою попытку, Витсон приказал разойтись всем как можно дальше от шахты. Едва приказание было исполнено, как Редотт неторопливо подошел к скале, в которую упирался горный скат, и исчез. Во тьме было не видно, что он делает. Толпа, затаив дыхание, ожидала.

И вот произошло великое дело, памятное доселе в летописях алмазных копей Виверы. Редотт уперся в скалу правым плечом, скрестил руки, ногами уперся в камень и, собрав всю силу, двинул весь горный склон прочь. Под этим местом шли ходы шахт. Он сгрел гору своей скалой так же просто, как паровоз грудью сбрасывает с рельс снежный завал, открыв этим усилием сразу несколько вертикальных ходов. Так мальчик сбивает вершину муравейника, обнажая внутренние муравьиные галереи.

Рев сорванных горных пластов напомнил ужасный гул тропических бурь. Ему ответили крики замурованных обвалом людей. Торопливо выползали они на воздух, вынося обмерших и откопанных. Спасение остальных было уже делом часов, а не дней.

Труп Редотта нашли лежащим у опрокинутой и далеко отъехавшей скалы. От непосильного напряжения у него лопнула на руках и ногах кожа; лопнули жилы шеи и внутренностей. Среди других за его гробом шел бельгиец, говоря каждому, кто хотел слушать:

– Действительно, он свернул шею горе, клянусь Бельгией!